

М. 1920

ПЛАВИЛЬНАЯ

■

СЛОВ.

Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф,
Вадим Шершеневич.

1920

■

2 10

84(2-11.2)С-5.1(кр)
1 Б 823

ИМАЖИНИСТЫ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ.

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ.

ПЛАВИЛЬНАЯ СЛОВ.

КН-ВО

„ИМАЖИНИСТЫ“

— при

Всероссийском Союзе Поэтов

МОСКВА,

1920.

ЕСЕНН.

О Боже, Боже. эта глубь
Твой голубой живот,
Златое солнышко как пуп
Глядит в каспийский рот.

Брючвами звезд свивая в нить
Лучи, ты довишь нас
И вёршами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз

Но в малый вентерь рыбара
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Сойди на землю без порток

Взбурли всю жлябь и водь.

Смолой клинницею восток

Пролей на нашу плать.

Дэ оналит уета огни

Людскую страсть и стыд.

Взнеси как голубя меня

В твой в слячих рощах скит.

Душа грустит о небесах,
Она не эфемерна и не мимолетна,
Люблю когда на дорогах
Огонь зеленый изливается.

То сучья золотых стрелов
Как свечи тлеют в прех тайной,
И расцветают звезды слов
На их листе первобытной.

Данятеи мне земли элагов,
Но на страну я мигну оту,—
Как отраженный в водах дог
Вкруг в небе сияющую нелету.

Так кони не страшнут хвостами

В хребты их пьющую луну...

О еслиб прорости глазами

Как эти листья в глубину.

Утром в раннем закуте,
Еде златятся рогожи в ряд,
Семерых опценила сука
Рыжих семерых шонят.

До вечера сна их ~~твоя~~
Причесывая ~~языком~~
И струился смежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый
Семерых всех поклат в мешок.

На сугробах она бегала
Поспешная за ним бегом,
И так долго, долго дрожала
Воды из замерзшей гряды.

А когда чуть начала обратно
Слишком быст е бегав,
Показался ей человек над водой
Сидящий на ольхи ветви.

В сны поет вечно извечно
Глядела она в воду,
А морозы сползали таинно
И скрывали ее ноги в пелену.

И влуну над от водити
Когда бросит ей камень в снег
Понатянуть глаза собачьи
Большими озорными в снег.

Запружилась плетью золотая,
В розовой воде на пруду
Словно бабочка легкая стая
С замирающим летит на звезду.

И сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дождь,
Отрок ветер по самым плечам
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За каменной смоляного сажа
Прозвенит и задрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы как ветками ива
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы на стог улыбаться
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где моя тихая радость,
Всё любя ничего ни жалеть?

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Несать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Паточит нож за голенище.

Весной и солнцем на луку
Обвита желтая дорожка,
И та, что имя берегу,
Межя прогонит от порога.

И вновь вернусь в отчий дом
Мужбою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На руке своей повернусь.

Сядь вербы у плетня
Нежнсе головы наклонят.
И не обмытого меча
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть
Роняя весла по озерам
И русь все так же будет жить
Плыть и плакать у вбора.

МАРИЕНГОФ.

Слепые ноги.

Арсение Авраамову.

1.

Человеческих темных страд
В щелях век неживые белки—
Порубленным дней кора
И золотые опилки.

Кто однажды сказал „пощади“
Тот не знает победы железной,
Желтиною осевших щетин
Человачья шкура облезла.

Что врачей устремленных тазы?!
(Слезной раба не видеть пристань)—
Если надо учить азы
Самых первых старинных нотки.

Жилистые улиц шеп
Желтые руки обвили закатов,
А безумные, как глаза Ницше,
Говорили, что надо идти назад.

А те, кто безумней вдвое
(Безумней психиатрической лечебницы)
Приветствовали волчий вой
И воздвигали гробницы.

Мне над кем-же — над теми-ль, над этими
Рассыпать горстями душу,
Или колпак надеть
Колеблющихся воздушный.

3.

К вам, кто умеет бегать
Ветром в трепещущих ковылях,
По завернутым в газеты снега
Площадям иду себя вылить.

Какое имя—Россия,
Другое ли,
Все равно,—только тем, кто несет погром-
ные колья
Стихов серебрянные росы.

4.

Дней колодезная глубина,
Нам-ли серые глаза струй черпать—
Кровь сентябрьская рабина,
Ведро человеческий череп.

Тот, кто направил дул згу
В испепеленные жаждой рты
Знал, что только к последнему визгу
Склоняется мирт.

Не было часов мокрей,
 Мокротою красней чем щепень—
 Острогом заломленный набекрень
 Месяц забыл о небе.

Вожжей не переломить хребты
 Кореннику и шарахнувшимся пристяжкам—
 Вдавленный пуп крестя
 Нищие ждут лепты.

Опустится звезд жезл
 Землю насквозь продырявить,
 Прижечь раскаленным железом
 Рваную рану яви.

1611950

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
 УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
 БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО

Возлюбленную злобу настуж
И в улицы душ прекрасного зверя—
Крестами убийств крестят вас те-же
Кто кликал раньше с другого берега...

Говорю: идите во имя меня
Под это благословенье!
Ирод—нет лучше имени—
А я ваш Ирод, славяне.

Желтые якоря

Заря на горбатых асфальтов дно,

Медленно с окраин ночь—

— дребезжащий черный фиакр.

На круглом голубом столе

Звездных карт рассыпанная колода,

Льдяны пальцы от холода

Одних и тех-же столетий.

Я знаю увясть и мне

Все на той же земной гряде

И глазами маяков огромней

Только в себя глядеть.

Зеленых облаков стоячие пруды
 И в них с луны опавший желтый лист,
 Об'ять хочу—и далеко и близъ
 Огромною рукой наваленные груды.

Хочу белком коснуться острия,
 Пусть вытечет из глаз голубизна слепая
 Хочу не помыкать на пламени костра я
 И тысячи кормить единым песни хлебом...

Задумавший с планеты перебег
 Не умерщвляет мозг, как пламень плоти
 инок—

Скорей прорвать молчания плотины
 И затопить пророчеством земли отвесный
 берег.

9.

Муку не перенесу какую,

В какой не упаду люк—

Сегодня Страстной Монастырь из горла

выдавлю

Завтра кухмистерскую.

И все оправданья ради

Широкого благословенья—

Кого-же еще родить

Черному чреву деревень?.

Песчаных холмов татарские скулы,
Долин зеленые лбы—
Железо-литейным гулом
Эту трупную тишь разбил-бы.

Не моя за цыганским скарбом—
Верность плетется—собачья,
Только тоска раба
По безоблачью...

А когда выбившиеся из колен
Другую ищут слепые ноги
Знаю поют калики
Тем-же голосом о том же Боге.

ШЕРШЕНЕВИЧ.

1.

Спотыкается фитиль керосиновый
И сугробом навален чад.
Посадить весь мир как сына бы
На колени свои и качать!

Шар земной на оси, как на палочке
Жарится шашлык;
За окошком намазаны игрою галочьей
Бутерброд куполов и стволы.

Штопором лунного света точно
Откупорены пробки окон из домов...
Облегченно как весною чахоточный
Я мокроту слов
В платок стихов.

Я ищу в мозговой реторте
Ключ от волчка судьбы,
А в ушах площадей мозоли натерли
Длинным воем телеграфа столбы.

Не хромай же фитиль керосиновый,
Не вались сугробом черным чад!
Посадить дай мир как сына бы
На колени к себе и качать.

Июль 1919.

Рассказ про глаз Люси Кусиковой,

Аквариум глаза. Зрачок рыбешкой золотою.
На белом Эльбрусе глетчерная круть.
На небосклон белков зрачок луною,
Стосвечной лампочкой ввернуть.

Огромный снегом занесенный площадь
И пешеход зрачка весь набекрень и ниц.
В лохани глаз белье полощет.
Паркетты щок подмести бы щоткою ресниц.

Маяк зрачка на бельмах волн качайся,
Мол носа расшибет прибой высоких щок;
Два глаза—пара темных вальса,
Синдетиконом томности склеен зрачок.

Раскрылся портсигар сквозь шириь ресницы,
Где две упругих папирое.
Глаза—стаканы молока, в них распуститься
Зрачку как сахару под ураган волос.

Глаза страницей белой где две ~~кляксы~~
Иль паровоз в поля белков ревет,
Зрачки блестеть начищенные ваксой,
Зрачки—вокзал в веселое вперед.

Март 1919.

Вкруг молчъ и нощь
Мне одиночь.

Тутъ пульса—по опушке пушки.
Глаза веслом ресниц гребут.
Кромсать
И рвать намокшие подушки
Как летаргический проснувшийся в гробу.
Сквозь темь кричать бездельничая кошки
Хвостом мусоля кувши труб.
Согреть измеренные ладошки
Сухих поленьях чьих то губ.

Вкруг желть и жолчь
Над одиночью молчь.

Битвог ругательств; пони брани;
Барьер морщин. По ребрам прыг кони.
Тащить занозы воспоминаний
Из очумевшаго меня.
Лицо как промоканка
Тяжкой
Ранки,
И слезы, может быть, поэта ремесло:
За окном ворчат шарманки
Чрезвычайно веселѣ:

- Ты ходила ли Людмила?
- И куда ты убегла?
- В решето коров доила,
- Топором овцу стригла.

Проулок гнет сугроб, как кошка
Слегкообветренной спиной.
И складки губ морщинами гармошки;
Следы у глаз как синие дорожки,
Где бродит призрак тосковой.
Червею ползут проселки мозга,
Где мысль как грузный тарантас;
О, чьи глаза окном киоска
Здесь продают холодный квас?

Прочь ночь и одиночь
Одно помочь.

Под тишину
Пыхтит шарманка на луну:
— Я-живая словно ртуть.
— Грудь на грудь,
— Живот на живот
— И все заливает.

Февраль 1919.

Как я

Сергею Есенину отвечаю на „Преображение“.

Все, кто в люльке Челпанова мысль свою
выпячил,

Всю на бочку земли сумел обручи рельс
набить,

За растегнутым воротом нынча
Волосатую застру увишь!

Где раньше леса, как зеленые ботинки,

Надевака весна и айда,—

Там глотки печей в дымной зевоте

Прямо в небо суют города.

И прогресс, стрижен бобриком требований,

Рукую где жили железнодорожного узла.

Докуривши махорку деревни

За последний окурок села.

Телескопами счистивши тайну звездной
перхоти,

Вожжи солнечных лучей машиной схватив,

В силомере подъемника электричеством
кверху

Внук мой гонит (как черточку) лифт.

Сумрак кажет трамвайные пушки,
Хлопают жалюзи магазинов, как ресницы
в это нуд,

Мечет вновь дискотека науки
Грамофонные диски в тайну.

На пальцах проспектов построек заусеницы,
Ската пальцами изотин как желтая глотка
всё,
И об'едает листву суеверий как гусеницы
Извивалась суставами вагонов поезда.

Перловы блещут правым вибратором
Под липером фабричных гудков.
— Никакому хирургу не вырезать
Анестезиет стенок.

Подобрано так-или иначе
К каждой постеле сотни ключей.
— Но голочек селовый не вытесен
В лунной и мутистой мече.

Сгорблялась земля ещё лучше
Под асфальтом до самых плеч.
— По нота — занозу грядущего —
Из мыслот не излечить!

Вместо сердца с огромною изощренностью,
С глазами холоднее чем вода на дне,
Издаюся как молот б-шенный
Над распаленным железом дней.

И сам в осанке великоленного жара,
Для обеденных столов ломаю гробы,
Трублю сиренсы строк, шеффер земного жара
И Джез — потрошитель судьбы.

И вдруг металлический, как машинные яйца,
Смываюсь как пес под плетким тубо,
Когда дачник, язык мой шляется,
Но аллее березовой твоих зубов.

Мир может быть жестче чем гранит еще,
Но и сквозь пробьется крапива строчек
вловь,

А из сердца поэта не вытащить
Глубую любовь!

Июль 1919.

Стволы стреляют в небо от жары
 И тшпина вся в дырках криков птичьих;
 У воздуха веснушки мошканы
 И робость летних непривычек.

Спит солнечный карась сверху,
 Где небо—пруд в кувшинках облаков и
 непроточно,
 И сеет зерна тени в мху
 Шмель—пестрый почтальон цветочный—

Вдали авто сверлит у полдня зуб
 И полдень запрокинулся человек.
 И мысли муравьи ползут
 По ниям вчерашних недомолвок.

Июль 1919.

Каждый раз
Несураз-
но брякая.

Я в спальню вкатившийся мотосапош;
Плотнотеленным дням моя всякая
фраз-

Раз-
резательный нож.

Я зараз-
ой дымлюсь от бреха чуть,
Весь смешиной, как соитье машин;
Черпаками строчел не выкачать
Выгребную яму моей души.

Я молблю на червонную даму игорную,
А иконки коню на слом,
И похабную надгробную заборную
Обращаю в вышеский неалом.

Не востепуглый рот, как штанинное про-
решка;

И когда со зба полночи пот звезды,
Бабушка моя служил вояцкой
Всем накомникам в иерусалим ерунди.

И на утро им прозно я в ухо реву,
Что завтра млечею чем воск,
И тащу предавать ка Отхареву
В рай билет, мой мшицы и мозг.

Вот вы помните; мели аж там встретил,
Так кричал, что ходуном верста:

— „Прискамаю в почитку любовь, добро-
дети,

— „Штопаю браки и веру в Христа!“

И работу окончив обличительно тяжкую,
После с людьми по душам бесед,
Сам себе напоминаю бумажку и
Брошенную в клозет.

Июнь 1912.

У купца товарок красят лабазы,
 Алмазы, бриллианты, жемчуги и перлы,
 Алмазы! Алмазы! Алмазы! Алмазы!
 И покупатели орды потопят.

Давуша, даждана лунного часа,
 Идет на площадь, где прохожий ждал,
 И груди — розовые чашки мяса —
 Целительно длительной дронки предает.

Свидетелька покатится толстый, хороший,
 На груди с бильярдным креслом
 И у выхоласт обменяет на грехи
 Свои изобретения с Христом.

Ну, а ~~жесту~~? Где живут мушкетеры,
 Одновременно маршей чистейших стрел?
 Он выйдет на площадь, прожестит руки
 И с голоду поделится в подолный срок.

Мое сердце не баше увлечений. Ошибки
И бушмы восходят мои на крови;
Как на сковородке трепещется рыба.
Так жарится сердце мое на любви.

Эй, люди, монахи, купцы и девицы!
... Лбом припадают отомедшему дню
И сердце не усмевает биться,
А пульс слился в одну трескотню.

Но ведь сердце, набухшее болью, дороже
Пустого сердца продашь едва ль,
И где сыскать мне таких прохожих,
Которые на золото обменяли б печаль?

И когда ночью сжимаете в постельке тело
ближнее
Иль устаете счастья аршином считать,
Я выхожу площадями орать:
„Продается сердце абсолютно лишнее!
Эй, кто хочет пудами тоску покупать?“

Вам жутко? Из под прсовати: все в божьей
руце!

Ноги сломаны—под ураганом ольха.
От котла Европы красный пар революций
И в миску России с жиром уха.

Чу! Луна—лимон столетий—
Выжата в чай соловьев.
Выше Эйфеля и Казбека на свете
Муравейчик наших стихов.

Пусть вчера, как в наборе ижица,
Грузом шлеп на нашем плече,
Но напрасно солнце пыжится
Нам надеть намордник лучей.

Божья мать—простодушная Маша—
Нас, конечно, зацешет в расход;
Мы—дальтониисты вчерашний
И сподвижники трудных вперед.

В погребах ваших глаз вы храните
Привычки бутылками старых вин,
А на географической карте событий
Меридианы наших морщин.

Май 1919. Киев.

Предположенье и машиниста.

Дула разливается в копающее устье.
 Попробуй — керосинчик!
 А здесь работает фабрика грусти
 В каждой опрессе о любви;

А здесь тяжелой боевой ветошной мыши
 Родят сито и сито
 И даже крутко бедра машины
 Никтолик как черт знает что;

А здесь и всякая опрессивей сборная
 Спешит водостоян труб,
 И дождиком излит машинною варяною
 Народ началуем изгнать зуб;

А чиб в этой сучинно монетной
 Справданысь — они говорят,
 Что какой то „побесней стрелочник“
 Везде и во всем выжигает.

Дайте! докажем, что родились мы в со-
роке
Мы — поэты, хранители золотого безделья,
Дайте уродите в каждой строчке
Кооперативы веселья.

В этой жизни, что тащется, как Сахарей
верблюдом,
Сквозь какой то неочятый день
Мы даже знаем об озони бу унцей
Пригнем сердцем прямо в скрепи!

Пригнем, теряя из плетки улыбки,
Зрица громовое НА!
Как протает по горичневой скринии
Вдруг лопнувшая струна.

Январь 1919.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИМ А Ж И Н И С Т Ы“

— ПРИ —
Всероссийском Союзе Поэтов

Тверская, 18.

1. „Правильны слов“ — С. Есенин, А. Мариенгоф.
В. Шершеневич. Цена 14 р.
2. „Имажинисты“ сборник — ц. 14 р. — рисунки,
стихи, проза, статьи, участвует вся банда.
(Печат.).
3. Харчевня зорь. — С. Есенин, А. Мариенгоф.
4. Зга враздробь (печат.).
5. С. Есенин: Небесный хлеб. (Печат.).
Преображение 2-е изд.
Телец (том первый).
6. А. Мариенгоф: Кондитерская солиц 4 р.
Магдалина. 10 р.
Копытами в небо.
Том первый (печат.).
- В. Шершеневич: Лошадь, как лошадь. 15 р.
Великолепные похождения электрического арле-
кина. (Печат.).
- Кооперативы веселья. (Печат.).

1611950

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО

